

Тут жа амаль усе незнаёмыя табе людзі. (І. Шамякін. “Злая зорка”). Старайцеся, хлопчыкі. Пакуль займеце кабінет у гэтым доме, лягчэй будзе абараняцца. (І.Шамякін “Злая зорка”).

Просьба аб сумесным дзеянні. Просьба аб сумесным дзеянні – гэта прыватны семантычны тып просьбы аб дзеянні, пры якім мяркуецца выкананне дзеяння адрасатам сумесна з адрасантам. Просьба аб сумесным дзеянні рэалізуецца ў розных сферах зносін у вуснай ці пісьмовай формах. Прычыны, якія падахвочваюць адрасанта звяртацца з просьбай аб сумесным дзеянні, могуць быць розныя: немагчымасць / нежаданне выканаць дзеянне самастойна; наяўнасць пэўных магчымасцяў / паўнамоцтваў, якія маглі б спрыяць выкананню дзеяння і г.д.

Універсальным моўным сродкам выражэння просьбы аб сумесным дзеянні ў беларускай мове з’яўляецца імператыву ў форме 2 асобы адзіночнага ці множнага ліку, марфалагічная характарыстыка якой перадае асноўны сэнс дадзенага тыпу просьбы – звернутае “як да адной, так і да некалькіх асоб, у склад якіх уключаецца моўнік” [3, с. 57]: *Давай паспрабуем. Як табе такі варыянт: якім будзе голоўны завет чалавечай будучыні? (А. Казлоў. “Незламная свечка”). Давайце адзначым. Колькі вам спаўняецца? (А. Андрэеў. “Сярэдзінная тэрыторыя”). Бацька ўстаў: – Пойдзем, сыне. Буду табе ўсё наказваць. А вы заставайцеся тут, пан Адам. (У. Караткевіч. “Каласы пад сярпом тваім”). Хадзем, Янечка, хадзем, золатка. Гэта ж яны жартуюць. Гэта ж Алесь пажартаваў... (У. Караткевіч. “Каласы пад сярпом тваім”). Давайце прадоўжым знаёмства, каб мы ведалі і ставіліся адно да аднаго як члены дружнай сям’і. (І. Шамякін. “Сатанінскі тур”). Ядзя! Пайшлі са мной! Плюнь на гэту банду марадзёраў (І. Шамякін. “Сатанінскі тур”). – Паехалі, Лізавета Іванаўна. Бліжэй будзеш да сыноў. (І. Шамякін. “Злая зорка”).*

У арганізацыі просьбы аб дзеянні могуць (ва ўскоснай функцыі) выкарыстоўвацца пыталыныя канструкцыі, скіраваныя не на запыт інфармацыі, а на актуалізацыю некатэгарычнага падахвочвання. Гэта часцей за ўсё канструкцыі з пыталымі часціцамі “ці”, “хіба”: *Ці не хацеў бы ты са мной адпачыць у Егіце? (А. Гара. “Чорная дзірка”). Ці не хочаш ты, каб мы з табою ажаніліся і нарадзілі дзяцятка нам на асалоду? (А. Асташонак. “Жоўты колер белага снегу”). Хіба ты хочаш, каб мы туды схадзілі? Там, казалі, небяспечна. (Тамсама).*

Заклучэнне. Такім чынам, просьба аб дзеянні з’яўляецца ўніверсальным самастойным тыпам падахвочвання, які актуалізуецца рознаўзроўневымі моўнымі сродкамі, выбар каторых залежыць ад асаблівасцей камунікатыўнай сітуацыі. Гэты від просьбы, набываючы экспрэсіўную афарбоўку, выкарыстоўваецца галоўным чынам у штодзённа-побыватавай сферы.

Выкарыстаныя на розных моўных ўзроўнях (лексічным, марфалагічным, сінтаксічным), моўныя сродкі, якія ўдзельнічаюць у выражэнні просьбы аб дзеянні, маюць тыповую граматычную форму – дзеяслоў у форме 2 асобы адзіночнага і множнага ліку загаднага ладу. Наяўнасць спецыфічных моўных сродкаў (памяншальна-ласкальных зваротаў і зваротаў з пыталымі часціцамі “ці”, “хіба”) дазваляе гаварыць пра адлюстраванне нацыянальна-культурных асаблівасцей маўленчых паводзін носьбітаў мовы пры рэалізацыі семантыкі просьбы аб дзеянні.

Спіс літаратуры

1. Формановская, Н.И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) / Н.И. Формановская // Русский язык за рубежом. – М., 1984. – № 6. – С. 67–72.
2. Романов, А.А. Семантическая структура высказываний – просьба / А.А. Романов // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981. – С. 34–46.
3. Белошапкова, В.А. Выражение побуждения к совместному действию в русском языке / В.А. Белошапкова, Ц. Саранцацрал // Русский язык за рубежом. – М., 1994. – № 4. – С. 55–59.

РЕЦЕПЦИЯ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПРОЗЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*Е.В. Крикливец
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В русской и белорусской прозе 1970-х–1980-х годов происходит активизация мифопоэтических архетипов, наблюдается синтез с элементами романтической, модернистской и постмодернистской эстетики. Мифологизм в творчестве русских и белорусских писателей второй половины XX века носит глубоко осознанный, рефлексивный характер, что обуславливает фи-

лософскую, интеллектуальную направленность их творчества. При этом произведения затрагивают темы современности и «дозировка» мифологических элементов в них может быть разной: от присутствия в тексте отдельных мифологем до активного использования цитат, реминисценций, аллюзий.

Цель работы – раскрыть способы обращения русских и белорусских писателей второй половины XX века к мифологическим структурам, определить значение и функции элементов мифопоэтики в реалистической прозе.

Материал и методы. Материалом исследования послужили повести В. Астафьева, В. Распутина, В. Козько, В. Короткевича, А. Кудравца. Изучение прозы русских и белорусских писателей осуществлялось на сравнительно-типологическом уровне, что позволило выявить общность их эстетических подходов к раскрытию социальной и нравственной проблематики.

Результаты и их обсуждение. Можно выделить несколько способов использования писателями мифологической «цитации». Одним из древнейших способов выражения мифологического сознания являлось ритуальное действие. В прозе русских и белорусских писателей второй половины XX века можно выявить ряд ритуально-мифологических реминисценций. Наиболее архаичными считаются ритуалы, в основе которых лежит идея цикличности умирания и возрождения природы. Природный цикл, его этапы проецировались и на человеческое существование. В прозе писателей-традиционалистов обращение к таким мифологическим структурам наиболее распространено. Космогонические мифы присутствуют во всех без исключения мифологических традициях. Главный герой повести белорусского писателя В. Козько «Суд у Слабадзе» Колька Летечка изобретает собственный ритуал «каравулення сонца», аналог акта космогонии.

Древние люди полагали, что движение человека по жизненному пути не является равномерным. В романе «Бунт незапатрабаванага праху» В. Козько апеллирует к наиболее архаичной мифологической схеме жизненного пути, которая предполагает факт необыкновенного рождения героя и ситуацию его чудесного спасения во время прохождения испытаний. В фольклорно-мифологической традиции смерть тоже понимается как переход на новый этап, переселение в иной мир. Чтобы уйти в последний путь должным образом, человеку необходимо подготовиться к этому заранее, «собраться в дорогу». О необходимости «сборов в дорогу» говорит в повести В. Козько «Суд у Слабадзе» старик Захарья Кольке Летечке. В несколько гротескной форме этим занимается Ненене, героиня романа «Неруш», сама справляя по себе поминки. Глубинный смысл отношения к дому, как к живому существу, которое необходимо «собрать» в последний путь, имеет поступок Дарьи, героини повести В. Распутина «Прощание с Матерой», обряжающей избу в последний раз, готовящей ее к смерти. С категорией смерти тесно связаны этапы погребального обряда, направленного на обретение человеком последнего пристанища, «вечного дома». Не случайно, В. Астафьев в разных редакциях повести «Пастух и пастушка» несколько раз возвращается к сцене погребения главного героя – Бориса Костяева. Не менее важным представляется осмысление писателями обрядов поминовения усопших. Основой повести белорусского прозаика А. Кудравца «Радуница» становится праздник, связанный с культом предков, в котором главный герой прозревает высший смысл – взаимосвязи поколений, ушедших и ныне живущих, непревзойдающей памяти живых о мертвых, победы жизни над смертью.

Человек рождается на свет, чтобы продолжить дело жизни, стать очередным звеном вечной цепи. В этом ракурсе не кажется парадоксальным, что Михаил, герой повести В. Распутина «Последний срок», приходит к осознанию своей смертности после рождения первенца. Дихотомия жизни и смерти, так пугающая младшее поколение, дает старшему, уходящему, успокоение, ощущение исполненности своего предназначения в деле продолжения жизни. И Анна, и Дарья из «Прощания с Матерой» уходят к «своим», оставляя после себя новые поколения. Таким образом, традиционалистская проза предложила свое осмысление ряда экзистенциальных категорий, тяготеющее, скорее, к эсхатологической, нежели к апокалиптической концепции.

Еще одним способом обращения как русских, так и белорусских писателей второй половины XX века к мифологическим структурам стала интерпретация мифологических (чаще – библейских) мотивов и сюжетов. При этом большинство произведений обращено к темам современности, а присутствующие в тексте аллюзии как бы свидетельствуют о возможности мифологического толкования изображаемого или же служат средством упорядочения авторских размышлений о проблемах своего времени.

Нравственная проблематика ряда произведений В. Козько сопряжена с мотивами суда и утраченного рая, что заставляет нас апеллировать к библейской тематике. Так, мотив суда ста-

новится сюжетообразующим в повестях «Високосный год», «Повести о бесприютной любви», «Суд у Слабадзе». Мотив утраченного рая находит свое отражение в романах «Неруш» и «Хроніка дзедмаўскага саду». В этапном произведении В. Астафьева «Царь-рыба» особое звучание приобретает мотив преступления и наказания. Названные мотивы выполняют в произведениях как идейно-тематическую функцию футурологического прогноза, так и жанрообразующую: приближают произведение к жанру антиутопии.

Примечательно, что обращение к Библии в прозе второй половины XX века не ограничивается творческой интерпретацией отдельных мотивов. Случается, что писатели соотносят логику своих произведений с библейскими сюжетами, сохраняя архетипическую связь с первообразными евангельскими темами или же по-новому трактуя суть образов, «приспосабливая» их к изменениям в исторической ситуации. Так, В. Короткевич в романе «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» создает свою версию Евангелия, определяя жанровую форму произведения как «Евангелие от Иуды».

Возвращение к утраченным христианским ценностям наметилось в произведениях «деревенской прозы». Особую остроту и актуальность приобретает тема возвращения к корням, восстановления разорванных связей с родной почвой, ибо только так можно обрести духовную опору. Не случайно, фабульная канва многих произведений «деревенской прозы» в той или иной степени соотносится с евангельской притчей о блудном сыне. Очевидно, что и движение гуманитарной мысли в XIX–XX веках коррелирует с логикой сюжета об отречении от отца (Бога) и последующем раскаянии, жажде спасения и решении вернуться. В белорусской литературе евангельская притча приобретает еще одно определяющее значение – обретения не только личной, но и национальной идентичности.

Заключение. Обращение писателей второй половины XX века к мифологическим мотивам, сюжетам, образам помогло выйти за рамки нормативной эстетики на качественно новый философский и эстетический уровень, универсализировало образную систему произведений за счет обращения к архетипическим пластам, открыло возможность межкультурного диалога. Кроме того, мифологическая условность выступила маркером нового типа поэтики, сформировавшегося в литературе последней трети XX века. Нельзя не отметить, что неомифологические приемы моделирования реальности преобладают в творчестве белорусских авторов, поскольку углубленность в национальную мифологию способствует выражению идеи национального возрождения.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ОБЩЕНАУЧНОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ

*А.А. Лавицкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В современном мире наблюдается активное развитие интеграционных процессов. Наука не стала исключением этой тенденции. Объединение усилий путем обмена научными данными, опытом, совместные фундаментальные и прикладные исследования дают возможность не просто расширять горизонты научных представлений, но и поступательно двигаться в сторону создания единого образовательного и научного пространств. Все это еще раз актуализирует одно из важнейших требований к современному ученому – знание иностранного языка. При этом на первый план выходит сфера профессиональной коммуникации, умение правильно понять и максимально точно передать узкоспециальные научные знания. Не углубляясь в методические особенности данной проблематики, мы остановимся на вопросах перевода общеупотребительной русскоязычной научной лексики, усвоение которой, несомненно, является первым важным шагом в овладении иностранным языком на уровне профессионального общения. Цель – проанализировать перевод общенаучной русскоязычной лексики на иностранный язык.

Материал и методы. Материалом проведенного исследования послужили статьи русско-английских и русско-немецких словарей, а также глоссарии некоторых учебных пособий, изданных в Беларуси и данные с официальных сайтов университетов. В процессе работы были использованы сравнительно-сопоставительный метод и частично метод дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Раскрывая заявленную тему, в первую очередь необходимо объяснить, какую лексику мы относим к общеупотребительной научной. С нашей точки зрения, таковой следует считать слова и выражения, используемые повсеместно в текстах всех